

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94 (47) "14/15"(09)

О ФОРМИРОВАНИИ СОСТАВА ПОРУЧИТЕЛЕЙ В ДУХОВНЫХ ГРАМОТАХ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ I

С. В. Богданов

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории

На основании анализа списка поручителей в духовных завещаниях великого князя Василия Дмитриевича представлен состав поручителей, который, как установлено автором, формировался в соответствии с заключёнными договорами (докончаниями), когда «младшие князья» московского княжеского дома отказывались от прав на великое княжение в пользу сына великого князя Василия Дмитриевича. Установлено, что процедура создания духовных завещаний великого князя сопровождалась конфликтами, поскольку не все князья московского княжеского дома отказывались от наследного права.

Ключевые слова: Василий I, великий князь, духовная грамота, докончание, князь Константин Дмитриевич, князь Ярослав Владимирович, князь Владимир Андреевич, князь Иван Владимирович.

В московском княжеском архиве сохранились 9 духовных завещаний великих князей, составленных в XIV – первой половине XV вв., все они опубликованы¹. Духовные грамоты великого князя Василия Дмитриевича² в этом ряде документов занимают особое место. В них впервые в качестве наследника великого стола был назван сын завещателя, а не его брат. В связи с этим в текстах грамот содержатся нормы, в соответствии с которыми на определённый круг лиц возлагались обязанности по исполнению последней воли завещателя, что, как показало время, было актуальным в московском княжеском доме.

В духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича обязанности исполнения воли завещателя возлагались на старшего сына, становившегося великим князем («А приказываю тобѣ, с(ы)ну сво-му Семену, братью

---

¹ Иван Данилович – 1 завещание (2 варианта), Семен Иванович – 1, Иван Иванович – 1 (2 экземпляра), Дмитрий Иванович – 2 (1375 и 1389 г.), Василий I – 3, Василий II – 1 (См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей (далее – ДДГ). М., 1950).

² Сохранилось три подлинных духовных грамоты великого князя Василия Дмитриевича и список с духовной (за двумя завещаниями и списком, хранящимися в Государственном Древлехранилище РГАДА под № 13, 15 и 16, закрепились именованные «второе», «третье» завещания и список с «третьей» грамоты).

твою молодшую и кн#гиню свою с меншими дѣтми, по божѣ ты имѣ будешь печалникъ»³), в духовной Симеона Ивановича – на братьев Ивана и Андрея («А все есмь се положилъ на божѣ и на своєи братьѣ, на кн#зи на Иванѣ и на кн#зи на Андрѣи»⁴). В духовной грамоте Ивана Ивановича, в первой и второй духовных грамотах Дмитрия Ивановича такой нормы нет, в них ответственность за нарушение норм княжеского завещания выражена в общей формуле «А хто сю грамоту порушитъ, судить ему богъ, а не буди на немъ моего благословень" ни в сии вѣкъ ни в будущи»⁵ («А хто иметъ сю грамоту чимъ рушати...» в первой духовной Дмитрия Ивановича).

В первой и последующих духовных грамотах великого князя Василия Дмитриевича впервые определённо были указаны лица, на которых возлагалось исполнение последней воли завещателя: «А о своемъ сынѣ и о своєи кн#гинѣ покладаю на божѣ и на своемъ д#дѣ, на кн#зи на Володимерѣ Ондрѣевичѣ, и на своєи братьи, на кн#зи на Ондрѣи Дмитриевичѣ и на кн#зи на Петрѣ Дмитриевичѣ, по докончанью, как с# иметъ печалова»⁶. Абсолютным новшеством эту норму назвать нельзя, имея в виду духовную грамоту Симеона Ивановича, однако совершенно очевидно, что определение состава ответственных лиц здесь объясняется первым отмеченным выше новшеством – новым великим князем назывался сын, а не следующий по старшинству брат⁷. Этого в духовной грамоте Симеона Ивановича нет, как не указывается в ней и будущий великий князь. В духовном завещании Василия II повторена норма духовных грамот Василия I: в этом документе поручителем исполнения воля завещателя указан король польский и литовский Казимир⁸.

В первом завещании Василия I в составе поручителей упоминаются как братья Василия I – Петр и Андрей, так и его дядя – серпуховской князь Владимир Андреевич. Во второй и третьей духовных грамотах Василия I состав поручителей претерпел изменения: вместе с князьями Андреем и Петром Дмитриевичами поручителями указаны великий литовский князь Витовт – дед будущего великого князя, родной брат князь Константин Дмитриевич (указан во «второй» грамоте) и сыновья серпуховского князя Владимира Андреевича Ярослав и Семён⁹. В «третьей» грамоте в составе поручителей князь Константин Дмитриевич уже не значится, и это странное обстоятельство представляет интерес. Дело в том, что «вторая» грамота

³ ДДГ. С. 8, 10 (духовные Ивана Даниловича).

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 17, 19, 25, 36.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ В духовной грамоте Симеона Ивановича судьба великого княжения не определена, в этом документе речь идёт о наследстве самого Симеона Ивановича.

⁸ ДДГ. С. 197.

⁹ Там же. С. 59, 62.

традиционно датируется в пределах июнь 1416 – февраль 1419 г.¹⁰, а «третья» – мартом 1423 г.¹¹, и при такой последовательности документов получается так, что князь Константин Дмитриевич был включён в состав поручителей до конфликта с Василием I и отъезда в Новгород в феврале 1419 г.¹², а в марте 1423 г. в их числе он уже не значился, хотя вернулся в Москву ещё весной 1421 г. и в конфликты с великим князем уже не вступал.

Эта странность позволяет задать вопрос: как определялся состав тех, кому Василий I поручал судьбу своего сына, будущего великого князя? На этот вопрос в отечественной историографии прямого ответа нет, хотя духовные завещания московских князей изучаются давно и плодотворно. Некоторые наблюдения по этому поводу содержатся в работах, в которых рассматривается история составления «второго» и «третьего» духовных завещаний Василия I, при этом факт отсутствия или присутствия поручителей используется как один из датирующих признаков.

В отечественной историографии основанием для определения даты составления «третьего» духовного завещания – март 1423 г.¹³ – служили две пометы на списке (документ № 16) с этой грамоты: 1) «Список з грамоты, что поимал Олексѣи з собою в Литву, коли с митрополитом поѣхал с Фотѣем на средохрестье» (после текста завещания) и 2) «Список с тое грамоты, что пошла к великому князю Витовту с Олексѣем в лето 30 первое, з средохрестья (на обороте списка)¹⁴. Первым, кто обратил внимание на этот датирующий признак, был А. Е. Пресняков. Учёный отметил, что вторая запись была сделана на обороте списка, современного подлиннику, рукой того же писца, которым был написан список. Первая же запись, по мнению А. Е. Преснякова, была сделана другой рукой¹⁵. Короткий экскурс А. Е. Пресняков завершил так: «Издана грамота с подлинника; вероятно, поэтому надписи на списке остались незамеченными и неизданными»¹⁶. Действительно, при публикации грамоты в «Древней Российской Вивлиофике» была принята явно ошибочная дата «1455 г.»¹⁷, а в «Собрании государственных грамот и договоров» была указана дата «1424 г.»¹⁸

¹⁰ Там же. С. 60; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 88–90.

¹¹ ДДГ. С. 62.

¹² Можно было бы считать, что конфликт с великим князем и составление завещания не имели между собой связи – князь Константин мог быть недовольным другими действиями великого князя, например, тем, что он покушался на его вотчинные владения. Однако летописные данные, о которых пойдет речь далее, указывают на явную связь конфликта с составлением какого-то документа, под которым обычно подразумевают завещание.

¹³ См.: Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Петроград, 1918. С. 351. Прим. 2; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 91.

¹⁴ См.: ДДГ. С. 62.

¹⁵ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 351, прим. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Древняя Российская Вивлиофика: изд. 2-е. М., 1788. Ч. 1. С. 153–158.

¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров (далее – СГГД). М., 1813. Ч. 1. № 42. С. 83–85.

Л. В. Черепнин на основании этих *помет* признавал список с «третьей» грамоты современным подлиннику¹⁹ (при издании подлинника список был датирован XV в.²⁰), а временем составления подлинника этого духовного завещания считал 1423 г. Учёный обратил внимание на отсутствие среди поручителей имени князя Константина Дмитриевича и объяснил это обстоятельство тем, что Василий I из-за ссоры, произошедшей в 1419 г., «вычеркнул» брата из числа тех князей московского княжеского дома, кому он «приказывал» свою жену и сына²¹. Но как долго продолжалась эта «опала», какое положение занял князь Константин Дмитриевич после возвращения в Москву в 1421 г., существовали ли после этого причины для исключения князя Константина из состава поручителей? Ответы на эти вопросы Л. В. Черепнин не дал.

Иначе вопрос датировке «третьей» грамоты решал А. А. Зимин. 1423 г. им был принят за верхнюю хронологическую границу, а по факту отсутствия в тексте имени Константина Дмитриевича исследователь датировал документ периодом от 1419 г. до января–февраля 1423 г. По мнению А. А. Зимина, в марте 1423 г. эта грамота была лишь отвезена в Литву²². При правильной, на наш взгляд, постановке вопроса предложенные А. А. Зиминим столь широкие хронологические рамки составления этого завещания представляются не вполне убедительными. Известно, что князь Константин Дмитриевич возвратился в Москву в 1421 г. (очевидно, ранней весной), очевидно, примирившись с великим князем; почему в таком случае документ не мог быть составлен до возвращения князя Константина в Москву, т. е. до 1421 г.? Если данный документ был составлен в 1419 г., то почему его так долго не предъявляли Витовту?

Л. В. Черепнин и А. А. Зимин исходили из молчаливого признания того, что имена князей-поручителей и при этом ближайших родственников Василия I, в частности Константина Дмитриевича, должны были быть указаны в завещании в обязательном порядке. Отсутствие имени этого князя историки объясняли личной позицией великого князя Василия I – «вычеркнул» имя брата из-за конфликта.

Схожим образом рассуждает и Д. И. Иванов: действия Василия I мотивируются тем, что при оформлении в начале 1423 г. «очередного» завещания Василий I возможной угрозе со стороны Юрия и Константина Дмитриевичей (Иванов называет их «честолюбивыми братьями») противопоставил поддержку великого князя литовского Витовта, переговоры с ко-

¹⁹ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 91. В. А. Кучкин справедливо указывает, что это именно список с последнего завещания Василия I, а не подлинник, как полагает Б. М. Клосс (Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3(13). С. 128, прим. 80).

²⁰ ДДГ. № 22. С. 62.

²¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 92.

²² Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот XIV – XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 293–294.

торым шли в 1420–1421 гг. в ходе поездки в Литву митрополита Фотия²³. Иначе говоря, отсутствие имени князя Константина Дмитриевича в этой духовной грамоте в данном случае объясняется стремлением Василия I застраховать себя и сына от возможных претензий на великокняжеское достоинство со стороны Юрия и Константина (столкновение Василия I с Константином Дмитриевичем Д. И. Иванов связывает с вопросом о престолонаследии и справедливо считает, что оно явилось «первым свидетельством назревавшего кризиса в междукняжеских отношениях»²⁴). Но были ли эти опасения обоснованными? Константин Дмитриевич возвратился в Москву ранней весной 1421 г. и впоследствии его отношения с Василием I, по всей видимости, были бесконфликтными – кризис в междукняжеских отношениях проявился только в феврале 1425 г., но князь Константин Дмитриевич тогда выступил на стороне Василия II, а не Юрия Дмитриевича.

Вопрос о датировке «второго» и «третьего» завещаний Василия рассматривает и Б. М. Клосс. «Вторую» духовную грамоту исследователь датирует временем между 1423 и 1425 гг.²⁵, «третья» же грамота, по его мнению, была составлена не ранее 1421 г. (аргументов в пользу такой датировки Б. М. Клосс не приводит), и при этом сохранился не написанный рукой Алексея Стромиллова подлинник, а копия, выполненная Тимофеем Ачкасовым. Эту копию, по мнению Клосса, Стромиллов возил в Литву в марте 1423 г.; другая копия этого времени (грамота № 16) была выполнена Тимофеем Ачкасовым, но неизвестно кем она была заверена (Клосс считает, что окончание грамоты с возможными печатями отрезано)²⁶. Справедливую критику эти выводы Б. М. Клосса вызвали у В. А. Кучкина²⁷. Предложенные датировки В. А. Кучкин не принял, оспаривая, прежде всего, наблюдения Б. М. Клосса над палеографией грамот²⁸.

Одним из датирующих признаков Б. М. Клосс традиционно признаёт присутствие князей-поручителей при составлении документа: так, факт отсутствия в Москве князя Ярослава Владимировича (в 1414 г. он выехал в Литву²⁹, в 1421 г. вернулся в Москву³⁰), по его мнению, препятствует датировке «второго» завещания временем до 1421 г. (на это обстоятельство ука-

²³ Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 84–85.

²⁴ Иванов Д. И. Указ. соч. С. 82.

²⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 118–119.

²⁶ Там же. Б. М. Клосс пишет следующее: «1) Несмотря на то, что в грамоте № 13 указан писец – дьяк великого князя Тимофей Ачкасов, в грамоте № 15 – дьяк великого князя Алексей Стромиллов, а грамоте № 16 считается вообще поздней копией, все эти грамоты написаны одним почерком (судя по всему, Тимофеем Ачкасовым). Таким образом, грамоту № 16 следует признать не поздней копией, а ещё одним подлинником, причем и пометы на её обороте принадлежат основному писцу».

²⁷ См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 127–129.

²⁸ Там же. С. 128.

²⁹ Как сообщается в Супрасльской летописи, Ярослав Владимирович «приде» в Литву из Орды (ПСРЛ. Т. 35. С. 54).

³⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 241, 245.

зывал ещё А. В. Экземплярский³¹; об этом же, в сущности, писал И. Б. Греков, но он же указывал на отсутствие в Москве Константина Дмитриевича³²; сомнительным факт включения в текст скрывавшегося в Литве Ярослава Владимировича представляется Д. И. Иванову³³).

Отсутствие имени князя Константина Дмитриевича в «третьей» грамоте остаётся пока без удовлетворительного объяснения. Была ли грамота составлена в его отсутствие, как предполагал А. А. Зимин (т. е. здесь главный фактор – присутствие при составлении документа), или же Василий I сознательно не включил имя князя в своё завещание, вычеркнув его из списка поручителей после конфликта 1419 г., как думал Л. В. Черепнин (в этом случае основной фактор – личная воля великого князя)? По линии размышлений А. А. Зимина в отечественной историографии противопоставленным оказались два мнения: присутствие имен князей-поручителей, определённых завещателем, было обязательным при составлении духовной грамоты и присутствие этих лиц было необязательно, они, так сказать, участвовали в процессе «заочно». Этому мнению придерживается В. А. Кучкин, полагая, что отсутствие при составлении великокняжеского теста мента лиц, несших ответственность за его осуществление, не влияло на включение их имени в текст (в качестве аргумента В. А. Кучкин указывает, что великий князь Витовт также отсутствовал в Москве в момент составления завещаний, но это не отразилось на включении его имени в текст)³⁴.

Вопрос о присутствии при составлении завещания поручителей неоднозначен. Так, серпуховский князь Ярослав Владимирович указан поручителем в двух документах, но на предполагаемый момент составления «второго» завещания он скрывался в Литве (стало быть, здесь прав В. А. Кучкин в том, что присутствие поручителей было необязательным, и следовательно, этот фактор не может оказывать влияние на решение вопроса о дате составления документа), а во время составления «третьей» грамоты князь был в Москве, значит присутствовал и при составлении текста завещания. Князь Константин Дмитриевич во время составления «третьей» грамоты был в Москве, но в тексте документа он не указан, хотя назван во «второй» грамоте (это обстоятельство объясняется «исключением» из состава поручителей).

Данный аспект представляет причину для размышлений. Дело в том, что и в обоих случаях причина включения (или исключения) княжеских имён в духовную грамоту оказывается одна – воля великого князя. Но, на-

³¹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889. Т. 2. С. 307–308.

³² Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 144–145. И. Б. Греков не объяснял отсутствие имени князя Константина в «третьей» грамоте, но полагал, что в 1424 г. (этим годом исследователь датировал «вторую» духовную грамоту) конфликт Василия I с Константином был забыт или отодвинут на второй план, поэтому князь Константин был включён в состав поручителей.

³³ Иванов Д. И. Указ. соч. С. 88.

³⁴ Кучкин В. А. Антиклассицизм. С. 129.

до полагать, процесс создания такого рода документов имел определённую правовую основу, которая выяснена пока явно недостаточно. До сих пор исследователи задавали вопросы «почему князь исключен из текста завещания?» и «могло ли имя князя быть вписано в текст завещания, если он не присутствовал при составлении документа?»; нам представляется, что более продуктивно искать ответ на другой вопрос: «на каких основаниях князь включались в состав поручителей?».

* * *

В 1419 г. произошло событие, имеющее большое значение для нашей темы.

В великокняжеском летописании сообщается о том, что великий князь Василий I «всхотѣ подписати под сына своего Василья», а «Князь же Костянтинъ не всхотѣ сотворити воли его»³⁵. В Новгородской первой (далее – Н1), а вслед за ней в Новгородской четвёртой (далее – Н4) летописях отъезд князя Константина из Москвы объясняется не так завуалировано: «... а про то былъ въ Великомъ Новѣгородѣ, зане же братъ его князь великий Василей хотѣлъ его привести в крестное целование подъ своего сына князя Василя, и онъ не хотя быти под своимъ братаничемъ»³⁶. Константин покинул Москву и был лишён Василием I «отчины»³⁷. В Н1 описываются жёсткие действия Василия I по отношению к непокорному брату после отъезда последнего в Новгород: «... и князь Василии возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину и бояръ его пойма и села и животы их отъима»³⁸.

Исследователи полагали, что этот конфликт возник из-за принципов наследования великого стола³⁹. Высказывалось мнение, что спор возник из-за великокняжеского завещания Василия I, которое подчиняло братьев Василия I его сыну⁴⁰. С. М. Соловьёв рассуждал схожим образом: так, он прямо указывал, что конфликт возник из-за того, что князь Константин не захотел отказаться от своих прав в пользу племянника⁴¹. Но при этом име-

³⁵ См., напр.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2004. Т. 25. С. 244.

³⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 427.

³⁷ ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 165;.

³⁸ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 412; М., 2000. Т. 4. С. 428.

³⁹ Н. М. Карамзин писал именно об этом: «Следуя новому уставу в правах наследственных, Великий Князь требовал от братьев, чтобы они клятвенно уступили старшинство пятилетнему сыну его, именем Василию. Константин не хотел сделать того и лишился удела» (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5. С. 214).

⁴⁰ Экземпларский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 135, прим. 338; Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 89–90; Зимин А. А. Указ. соч. С. 292–293.

⁴¹ С. М. Соловьёв писал: «Но когда Василий в 1419 году потребовал от братьев, чтоб они отреклись от прав своих на старшинство в пользу племянника, то Константин оказал явное сопротивление. “Этого от начала никогда не бывало”, – говорил молодой князь; Василий рассердился, отнял у него удел, и Константин ушел в Новгород, убежище всех недовольных князей; однако скоро он уступил требованиям старшего брата

нитый историк связал конфликт с междукняжескими докончаниями, однако эту свою мысль развивать не стал⁴². А. Е. Пресняков также размышлял о связи конфликта с великокняжеским завещанием, в соответствии с которым великий стол наследовал сын Василия I, но при этом осторожно писал, что протест князя Константина не мог быть связан с его личными претензиями на великое княжение. По мнению историка, дело сводилось «к вопросу о семейном положении, вопросу почёта»: Константин Дмитриевич не хотел ставить подпись под именем племянника и тем самым признать старшего великокняжеского сына старшим себе братом⁴³. Но что значит «ставить подпись»? И под чем она должна была быть поставлена?

Укажем на ещё одно обстоятельство. В современной историографии «вторая» духовная грамота датируется более поздним временем (1424 или второй половиной 1423 г.⁴⁴). В этом случае отпадает необходимость в объяснении того факта, что это завещание составлялось без князя Ярослава Владимировича. Это же касается и фигуры князя Константина Дмитриевича, но возникает новый вопрос: если во второй половине 1423 г. Константин Дмитриевич стал поручителем, почему таковым он не был в марте этого года, когда составлялось «третье» завещание? К этому времени так и не состоялось примирение с великим князем Василием I?

Наконец, в ночь смерти великого князя Василия I 27 февраля 6933 (1425) г. по инициативе митрополита Фотия в Москву был вызван князь Юрий Дмитриевич. Вероятно, Юрию должны были огласить духовное завещание Василия I, однако в Москву он не поехал, а стал готовиться отнять великий стол у десятилетнего племянника. Собрав силы, Василий II с дядями выступил к Костроме, Юрий Дмитриевич вынужден был убежать в Нижний Новгород⁴⁵. Решающую роль, как показано в великокняжеском летописании, сыграл

и возвратился в Москву» (*Соловьёв С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 2: История России с древнейших времён. Т. 4. С. 391*).

⁴² «До нас дошли также договорные грамоты Василия Дмитриевича с родными его братьями. В них нет отмен против прежних подобного же рода грамот. Для объяснения последующих событий нужно заметить, что князья Андрей и Петр Дмитриевичи обязываются в случае смерти Василия блости великое княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится. Подобно Юрию, и самый младший брат великокняжеский, Константин, не хотел сначала отказаться от прав своих в пользу племянника» (*Соловьёв С. М. Указ. соч. Т. 4. С. 391*).

⁴³ *Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Петроград, 1918. С. 383, прим. 3.*

⁴⁴ *Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 143–145; Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 88; Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 162–164. На иных основаниях «вторую» грамоту 1424 годом датирует Б. М. Клосс (*Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 117–119*).*

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 246.

как раз князь Константин Дмитриевич, проявлением силы заставивший Юрия Дмитриевича отказаться от своих притязаний, хотя бы и на год⁴⁶.

Князь Константин, а также Андрей и Пётр Дмитриевичи, принимавшие участие в политической борьбе в первые дни после кончины Василия I, указаны поручителями во «второй» духовной грамоте Василия I. Именно они должны были гарантировать исполнение воли умершего великого князя, Константин Дмитриевич был при этом активно действующим поручителем. Но этого не должно было быть по условиям «третьей» духовной грамоты Василия I, но соответствует «второй» грамоте. Это обстоятельство заставляет искать ответ на вопросы: если и «вторая», и третья духовные грамоты были составлены спустя 4 года после конфликта князя Константина Дмитриевича с великим князем Василием I, и при этом «третья» грамота предшествовала «второй», почему имени князя Константина нет в «третьей» грамоте и на каких основаниях он был включён в текст «второй»?

* * *

Найти ответы на поставленные вопросы возможно только после определения оснований, на которых князья включались в тексты духовных грамот Василия I (вряд ли всерьёз можно считать, что право на это они получали только благодаря своему происхождению – в таком случае трудно объяснить, почему ни в одном завещании не фигурируют Юрий и Иван Дмитриевичи; если отсутствие первого ещё можно объяснить проявлением властных амбиций, то о князе Иване такого сказать нельзя). История описанного выше конфликта даёт возможность обозначить эти основания.

Повторим, что ответ на вопрос «почему Константин указан поручителем в одной грамоте и исключен (не указан) из поручителей в другой?» в отечественной историографии сопрягался с историей его конфликта с Василием I. Этот вопрос, действительно, мог быть решающим: формально порядок дальнейшего наследования великого княжения завещание великого князя Дмитрия Ивановича не определяло, он, по всей видимости, должен был оставаться традиционным (не случайно, князь Юрий Дмитриевич считал, что после смерти Василия I престол должен был наследовать именно он, как старший в роде). Однако, в отличие от Юрия Дмитриевича, Константин Дмитриевич вряд ли мог рассчитывать на великокняжеский престол. Дмитрий Иванович завещал «свою отчину» Москву Василию, Юрию, Андрею и Петру⁴⁷, ни Иван Дмитриевич, ни Константин получателями «отчины» в завещании Донского не значатся; оно гарантировало лишь получение ими уделов. Мог ли в таком случае Константин Дмитриевич оказывать влияние на великого князя и воспротивиться его попытке установить принцип прямого наследования? Это маловероятно – удельный князь на такие вопросы не мог оказывать влияние, скорее это была прерогатива князей иного уровня – официальных наследников Дмитрия Донского и владельцев «третей» Москвы (Юрия, Андрея и Петра).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ДДГ. С. 34. № 12.

Показательным для оценки статуса Константина Дмитриевича может быть количество упоминаний о нём в летописях. В великокняжеском летописании таковых насчитывается 11⁴⁸: трижды в житие Дмитрия Донского, под 1406 г. (Василий I посылал его на помощь в Псков, здесь князь пробыл почти год⁴⁹), под 1416 г. (присутствовал вместе с Василием I и Юрием Дмитриевичем на поставлении новгородского архиепископа Симеона), под 1419 г. (о конфликте с Василием I), под 1420 г. (заключал в Новгороде мир с немцами), под 1421 г. (о возвращении из Новгорода), под 1425 г. (о борьбе с Юрием Дмитриевичем после смерти Василия I), под 1429 г. (о походе к Нижнему Новгороду) и под 1433 г. (находился в Угличе). Три из этих упоминаний (1406, 1416, 1419–1420 гг.) свидетельствуют, что Константин Дмитриевич был связан с Новгородом, поэтому не случайно он уехал из Москвы именно в Новгород и исполнял здесь политические функции⁵⁰. О представительской роли Константина в Новгороде прямо свидетельствует известие новгородского летописца (в 6915 (1406) г. Константин Дмитриевич был направлен Василием I наместником в Новгород)⁵¹.

Дополнительные сведения о князе Константине даёт псковское летописание. В 6919 (сентябрьском) г. псковичи у Василия I «испросили» к себе Константина Дмитриевича⁵², Константин приехал в Псков 11 ноября 6920 г., в 6921 г. Константин отъехал в Новгород и, пробыв в Новгороде год, вновь возвратился в Псков⁵³; в конце весны 6922 г. (на Петрово говение) Константин возвратился в Москву.

Представленные данные свидетельствуют о том, что до 1419 г. князь Константин Дмитриевич был связан преимущественно с Новгородом⁵⁴ и

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 215, 216, 218, 236, 242, 244, 245, 246, 248, 250.

⁴⁹ Детализация действий Константина в Пскове содержится в Н1 (ПСРЛ. Т. 3. С. 400).

⁵⁰ Однако наместником великого князя после бегства в Новгород князь Константин не был: функции наместника выполнял Федор Константинович, Константин же получил от новгородцев города, «что были за Лугвенем», а также бор по новгородской волости и «коробеищину» (ПСРЛ. Т. 3. С. 412–413; Т. 4. С. 427). Уже осенью 6928 г. князь Константин выполнял в Новгороде представительские функции, участвуя в заключении договора с Ливонским орденом (ПСРЛ. Т. 3. С. 413; Т. 4. С. 427). Предложения Ливонскому ордену, сделанные Константином и новгородцами и переведенные «слово в слово» («van worte zu worte uf Deutsch gesatz»), изложены в послании магистру ордена, датированном предположительно августом 1420 г. (см.: Liv-est- und kurlndisches Urkundenbuch. Riga, 1873. Т. 5. S. 660–661. MMCDXСIII). Примечательно, что в этом послании князь Константин титулуется «великим князем» («Von dem grossin koninge Constantyn Demytersson») (об августовском соглашении см. также: Monumenta Medii Aevi Historica. Cracoviae, 1882. Т. 4: Codex epistolari Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. DCCCLXXXI. P. 490).

⁵¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 400. В Никифоровской летописи сказано, что Константин Дмитриевич приехал в Новгород «в великого князя мѣсто, на Городище» (ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 32).

⁵² Псковские летописи. Вып. 2. С. 35. До этого в Пскове наместником великого князя был князь Александр Ростовский, также «испрошенный» псковичами; псковичи его изгнали.

⁵³ Там же. С. 36.

⁵⁴ Показательной в этом отношении является сюжет с построением князем Константином Дмитриевичем Троицкого храма в Клопском монастыре (Повесть о житии

Псковом, здесь он выполнял обязанности великокняжеского наместника, такие же, как и ростовский князь Александр и его сыновья в Пскове. После смерти Василия I положение князя Константина явно стало иным: в 1425 и 1429 гг. Константин Дмитриевич выступает уже в качестве если не служилого князя Василия II, то человека из его близкого окружения⁵⁵. В 1428 г., как это видно из докончания Василия II и Юрия Дмитриевича, князь Константин находился на положении «брата младшего» великого князя Василия II⁵⁶. Этого нельзя сказать о времени Василия I: существует докончание Василия I с Петром и Андреем Дмитриевичами, именуемыми «братией младшей», имен Константина и Юрия в нем нет (но Юрий «докончал» с Василием I раньше)⁵⁷. В целом переоценивать место, положение и силу политического влияния Константина Дмитриевича до 1425 г. не приходится – весомыми правами и привилегиями, в отличие от своих старших братьев, он не обладал, он даже не был включён в иерархию межкняжеских отношений⁵⁸. Поэтому влиять на процесс наследования великого стола он был не в силах. Однако же совершенно определённые потенции в этом отношении князь Константин всё же имел.

Конфликт возник не из-за нового великокняжеского завещания, которое, как полагали исследователи, подчиняло братьев Василия I его сы-

---

Михаила Клопского / подг. текстов и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 92–93. Пользуюсь случаем выразить признательность А. Е. Тарасову, сообщившем о связи князя Константина с Клопским монастырём). В чуде 3, где описывается история с князем Константином, повествуется о том, что князь Константин «устроивал» храм перед отъездом в Москву, при этом князь терзали какие-то сомнения. Он приехал в Клопский монастырь получить у игумена Феодосия и Михаила благословение перед поездкой в Москву, здесь состоялась такая беседа: «И так говорит князь: “Зовут меня братья”. И Михаила сказал ему: “Будешь в Москве у своих братьев. А нынче построй в монастыре, пока ты здесь, каменную церковь святой Троицы, а Бог тебе, чадо, устроит за это каменные невидимые палаты на небесах”». Храм был заложен в «день царя Константина», т. е. 21 мая, а окончен на «Дмитриев день» – 26 октября. Деревянная Троицкая церковь была сооружена в Клопском монастыре в 1413 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 403; Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 54–55). К этому моменту князь Константин был наместником великого князя в Новгороде уже 5 лет (о дате приезда в Новгород: ПСРЛ. Т. 3. С. 400).

⁵⁵ Показательно, что после 1425 г. владения князя Константина Дмитриевича «прирастали»: в 1428 г. бездетный князь Петр Дмитриевич передал ему Углич и волости, полученные от Юрия Дмитриевича (СГГД. 1. № 43), князь Юрий Дмитриевич передал Звенигородские волости (Там же. № 52, 71), дань с которых Константин вносил в казну Юрия.

⁵⁶ ДДГ. С. 65. № 24.

⁵⁷ Там же. С. 51. № 18.

⁵⁸ Никаких указаний на обладание Константином «третью» Москвы не имеется. В завещании Дмитрия Ивановича «третью» Москвы самого Дмитрия владели по половинам четыре его сына. Пятый сын – Иван, упоминаемый в завещании, среди владельцев «трети» не указывается. Поэтому вполне может быть, что и Константин не был допущен к раздельному владению Москвой, а оставался, как Иван, удельным князем. Этим он отличался и от Владимировичей, имевших права на «треть» Москвы.

ну⁵⁹. В цитированном выше отрывке из Н1 ясно сказано, что Василий I хотел взять с князя Константина крестное целование. Между тем ни одно сохранившееся великокняжеское завещание не содержит нормы крестоцелования – в документах оговариваются только условия наследования и объявляется состав лиц, следивших за правильным исполнением воли завещателя. Однако известно, что в обязательном порядке целованием креста должны были завершаться докончания, скрепляемые княжескими печатями. В этой связи следует обратить внимание на одну существенную деталь: «печалование» судьбой наследника и наследуемого им великого княжения, возлагаемое на поручителей, подразумевает предварительный договор между завещателем и будущими поручителями. Об этом свидетельствует следующая норма духовных грамот: «А приказываю своего сына... и ихъ братьѣ по ихъ докончанью, как ми рекли»⁶⁰. Показательно, что в случае с литовским князем Витовтом также подразумевается определённый договор: «А приказываю... своему брату и тистю, великому кн#зю Витовту, как ми рекль, на бозѣ да на немъ, как с# иметь печаловати»⁶¹. Трудно сказать, имел ли этот договор устный характер или же это был оформленный документ (что более вероятно) – он не сохранился⁶².

Это обстоятельство позволяет иначе смотреть на суть конфликта между Василием I и Константином Дмитриевичем. А. Е. Пресняков острожно писал о том, что протест князя Константина не мог быть связан с его претензиями на великое княжение. По мнению историка, дело сводилось «к вопросу о семейном положении, вопросу почёта», в связи с чем Константин Дмитриевич не хотел ставить подпись под именем племянника и тем самым признать старшего великокняжеского сына старшим себе братом⁶³. А. Е. Пресняков при этом считал, что схожие мотивы руководили и князем Юрием в его отношениях с Василием I, что подтверждается отсутствием заключённых между ними договоров⁶⁴. Однако такой договор имеется⁶⁵, в нём князь Юрий называется «братом младшим», а Василий Дмитриевич –

⁵⁹ Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 135, прим. 338; Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 89–90; Зимин А. А. Указ. соч. С. 292–293.

⁶⁰ См.: ДДГ. С. 57, 59, 62.

⁶¹ ДДГ. С. 59, 62. № 21, 22.

⁶² Докончания, заключённые в 1406 и 1408 г. после русско-литовских военных компаний, вряд ли содержали условие «печалования» (ПСРЛ. М., 2004. Т. 15. Стб. 472; М., 2004. Т. 25. С. 238). Д. И. Иванов справедливо полагает, что Витовт дал согласие «печаловаться» судьбой своего внука до составления завещаний и что речь об этом шла в ходе переговоров 1420–1421 гг., когда в Москву дважды приезжал виленский воевода Альберт Монивид (Иванов Д. И. Указ. соч. С. 83, 84, 85).

⁶³ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 383, при. 3.

⁶⁴ Там же. С. 383.

⁶⁵ ДДГ. С. 39–40. № 14. О договоре см.: Кучкин В. А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 155–177. На этот договор обратил внимание ещё С. М. Соловьёв.

«господином»⁶⁶. Между тем этот договор по содержанию отличается от докончаний Василия I с князем Владимиром Андреевичем и его сыновьями, а также братьями – серпуховскими князьями. Нормы докончаний должны были регулировать будущие отношения племянника и дядей, что, конечно, касалось вопроса о семейном положении, «вопроса почёта» – здесь А. Е. Пресняков был совершенно прав. О том, какими должны были быть эти отношения, можно судить вполне определённо: по договору (около 1401–1402 гг.) «младшие» князья (это Владимир Андреевич и его сыновья Иван, Ярослав и Семен) обязывались блюсти «под» Василием I и его детьми всё то, чем Василий I благословил Дмитрий Иванович, в том числе и «всё великое княжение». Этот порядок закреплялся клятвой: как «младшие братья» они целовали на этом крест к «старшим братьям» – Василию I и, что показательное, его сыну⁶⁷.

Для серпуховского князя данное докончание было не первым: по договору с великим князем Дмитрием Ивановичем Владимир Андреевич (и его дети) обязывался «держатъ великое княжение» «под» Василием Дмитриевичем и другими детьми Донского и целовал на этом крест, при этом не только великому князю, но и Василию Дмитриевичу⁶⁸.

При анализе докончания Василия I с Андреем и Петром Дмитриевичами Л. В. Черепнин сделал чрезвычайно важное наблюдение, что документ фиксировал наследственность княжеских владений⁶⁹, т. е. частей Москвы и уделов. Но только территориальными частями дело не ограничивалось, поскольку в ряду того, что должны были блюсти можайский и дмитровский князья, было и «великое княжение». Как и серпуховские князья Андрей и Пётр Дмитриевичи целовали крест, князья принимали, таким образом, присягу старшему сыну Василию I, наследственным владением которого фактически объявлялась территория «великого княжения».

Содержание докончаний объясняет присутствие серпуховского⁷⁰, можайского и дмитровского князей в составе поручителей в первом духовном завещании Василия I, в котором – по божьей воле – будущим великим князем назывался Иван Васильевич; значатся эти князья поручителями и в последующих завещаниях Василия I. Именно об этих докончаниях и идёт речь в указанной выше норме, завершающей духовные грамоты Василия I, и это даёт основание утверждать, что эти князья были включены великим

⁶⁶ В. А. Кучкин показывает, что некоторые статьи и обороты договора написаны от лица удельного князя (*Кучкин В. А. Договор ...* С. 168–169).

⁶⁷ ДДГ. № 18. С. 52; № 16. С. 43–45.

⁶⁸ Там же. № 11. С. 31, 32.

⁶⁹ *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 76–77.*

⁷⁰ В целом серпуховских князей: в первом духовном завещании Василия I назван князь Владимир Андреевич, во втором его сыновья – Семен и Ярослав, а также – завуалированной форме – Василий и Андрей («и князю Семену Владимировичу, и князю Ярославу Владимировичу, и ихъ братьѣ по ихъ докончанию; ДДГ. С. 59). В докончании Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем последний целовал крест великому князю сам и за своих меньших детей Андрея и Василия, а Иван, Ярослав и Семён Владимировичи приносили клятву самостоятельно (ДДГ. С. 45).

князем в состав поручителей на основании предварительно заключённого договора.

Итак, оформление межкняжеского dokonчания предвляло составление великокняжеского тестаента, куда включались имена целовавших крест великому князю и его сыну – будущему великому князю⁷¹. Князья Юрий и Константин Дмитриевич таких договоров не подтверждали до определённого времени. По этой же причине ни в одном завещании Василия I нет имени князя Ивана Дмитриевича (на данное обстоятельство никто из исследователей внимания не обращал). В виду того, что во «второй» грамоте Константин Дмитриевич указан поручителем, следует думать, что он должен был соблюдать предварительно заключённое соглашение («как ми рекли»), следовательно, такое соглашение должно было быть оформлено им до составления «второго» завещания – после возвращения в Москву весной 1421 г. и, вероятно, до мая 1423 г.

Эти наблюдения позволяют в целом согласиться с осторожным замечанием А. Е. Преснякова, но при этом конкретизировать его. Два свидетельства летописей – о крестном целовании, под которое Василий I собирался подвести брата, и о том, что Василий I «въсхотѣ подписати под сына своего Василья» – указывают на то, что Василий I призывал Константина Дмитриевича к оформлению dokonчания (отметим ещё раз, что тексты имеющихся dokonчаний завершаются записью о крестоцеловании), но тот отказался его оформлять («и онъ не хотя быти под своимъ братаничемъ»), т. е. не согласился «блюсти» «великое княжение», признавать его владением Василия I, наследуемым им своему сыну, и тем самым он не признавал за собой в будущем статус «младшего брата» по отношению к Василию Васильевичу⁷². Условия для оформления такого соглашения в 1419 г. были подходящими: в июле 1417 г. скончался первенец Василия I, первое завещание стало недействительным, из состава прежних поручителей остались только Андрей и Петр Дмитриевичи; требовалось, таким образом, составление нового завещания с обновлённым составом поручителей. Сыновья князя Владимира Андреевича – Иван, Семён и Ярослав – уже имели обязательства перед Василием I и его детьми (по договору 1401–1402 гг.), поэтому двое из них (нет Ивана) были включены в состав поручителей автоматически (их присутствие при составлении духовной грамоты в данном случае не требовалось).

Потенциальным поручителем был и взрослый уже князь Константин Дмитриевич, а его включение в состав поручителей по условиям dokonчания позволяло Василию I решить политическую задачу – предотвратить возможное проявление претензий на великий стол и обеспечить беспрепятственную передачу великого стола сыну.

⁷¹ Проницательную догадку об этом высказал С. М. Соловьёв, о ней речь шла выше (см. прим. 42).

⁷² В этой связи думается, что А. Е. Пресняков был прав, когда говорил об отсутствии договора между Василием I и князем Юрием Дмитриевичем. В имеющемся договоре (ДДГ. № 14. С. 39–40) князья целовали крест только по отношению друг к другу.

Однако, по всей видимости, Константин Дмитриевич держался тех же принципов, которыми руководствовался и князь Юрий Дмитриевич: отношения внутри великокняжеской семьи должны были регулироваться духовной грамотой великого князя Дмитрия Ивановича, а не новыми документами. Последствия строптивного поведения князя Константина уже известны: Василий I лишил Константина «отчины», тем самым нарушив принцип наследственности удела самого Константина (впрочем, при отсутствии dokonчания не было гарантии, что Василий I будет «блюсти» удельные права Константина).

Константин Дмитриевич вынужден был смириться и вскоре вернулся в Москву. Очевидно, после возвращения Константина в Москву было составлено dokonчание, которое не сохранилось, но о его существовании можно судить по «второй» духовной грамоте Василия I⁷³. Тем важнее обратить внимание на то, что происходило после смерти Василия I 27 февраля 6933 (1425) г. В ночь смерти великого князя по инициативе митрополита Фотия в Москву был вызван князь Юрий Дмитриевич. Вероятно, Юрию должны были огласить духовное завещание Василия I, однако в Москву он не поехал, а стал готовиться к тому, чтобы отнять великий стол у своего десятилетнего племянника. Собрав силы, Василий II с дядьями выступил к Костроме, Юрий Дмитриевич вынужден был убежать в Нижний Новгород⁷⁴. Решающую роль в этой ситуации, как показано в великокняжеском летописании, сыграл как раз князь Константин Дмитриевич, проявлением силы заставивший Юрия Дмитриевича отказаться от своих притязаний, хотя бы и на год⁷⁵.

С устранением угрозы со стороны Юрия Дмитриевича по инициативе митрополита Фотия, матери, великой княгини Софьи, и дядей – Андрея, Петра и Константина Дмитриевичей были посланы гонцы к великому литовскому князю Витовту и ко «всем боярам и князьям земли своей». К Юрию вновь был послан митрополит. Цель подобных действий очевидна: необходимость ис-

⁷³ А. А. Зимин писал о том, что после лишения удела князь Константин Дмитриевич стал «как бы князем изгоем» (Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С.10). Думаем, что это не так: к 1425 г. Константин был полноправным членом московского княжеского дома.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 246. Отметим, что во Львовской и Софийской второй летописях фигурантом похода на Юрия выступает Андрей Дмитриевич: «Того ж(е) лѣта кн(я)зь Юрьи поиде к Новгороду Нижнему, и кн(я)зь велики посла за ним кн(я)зь Ондрия Дмитреевича, а с ним силы полтрет(ь)ячат(ь) тысящ. И князь Ондри, брат не дошед, воротися» (ПСРЛ. М., 2005. Т. 20. С. 233; М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 51–52). Описание итога похода на Юрия здесь также отличается: никакого стояния на р.Сура не было, Андрей просто возвратился, не достигнув Нижнего Новгорода. А. Е. Пресняков в данной связи полагал, что в позднейшей редакции имя Андрея было заменено на Константина (Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 386–387, прим. 2). Однако это вряд ли справедливо: Московский свод конца XV в., в котором читается имя князя Константина, опирался на более ранние источники и, в свою очередь, был одним из источников второй редакции свода 1518 г. – протографа Львовской летописи (Клосс Б. Н. Предисловие к изданию 2005 г. // ПСРЛ. Т. 20. С. V).

⁷⁵ Там же.

полния духовного завещания Василия I. Показательно, что все, кто принимал участие в политической борьбе в первые дни после кончины Василия I, указаны поручителями во «второй» духовной грамоте Василия I⁷⁶, именно они должны были гарантировать исполнение воли умершего великого князя. Константин Дмитриевич был при этом активно действующим поручителем⁷⁷.

* * *

Изложенное выше позволяет иначе оценивать и факт включения князя Ярослава Владимировича в состав поручителей во «второй» и в «третьей» грамотах. Полагаем теперь, что его отсутствие в Москве⁷⁸ не могло повлиять на процедуру оформления состава поручителей: обязательства этого князя по отношению к Василию I и его детям были определены в докончании, заключённым между Василием I и князем боровским и серпуховским Владимиром Андреевичем с сыновьями. Думается, никакие противоречия между Ярославом Владимировичем и Василием I не могли отразиться на выполнении скреплённых крестоцелованием обязанностей этого князя по отношению к детям Василия I, в частности к будущим великим князьям. Вполне обоснованным представляется мнение В. А. Кучкина, что в состав поручителей князь Ярослав Владимирович был вписан «по умолчанию», но, полагаем, не в силу «необязательности» присутствия при процедуре составления завещания, а в силу действовавшего юридического фактора.

Не возникает серьёзных трудностей и с вопросом о печати князя Ярослава Владимировича на «второй» грамоте, он просто требует уточнения. Б. М. Клосс указывает, что к грамоте 1417 г. привешено пять печатей. Это давно известный факт: ещё при издании грамоты в «Собрании государственных грамот и договоров», и ещё ранее в «Русской Вивлиофике» были указаны пять печатей (в прорисовке в СГГД: Андрея Дмитриевича, Петра Дмитриевича, Константина Дмитриевича, Василия Дмитриевича и одна – овальная формы – анонимная)⁷⁹, при публикации документа в «Духовных и договорных грамотах» были отмечены только три черновосковские печати. В труде Л. В. Черепнина речь идёт о четырёх печатях – Василия I, Андрея, Петра и Константина Дмитриевичей⁸⁰. Н. А. Соболева указывает, что вислая одно-

⁷⁶ Поэтому может быть вполне справедливой наша атрибуция пятой неопознанной печати на этой грамоте великой княгине Софье.

⁷⁷ И впоследствии князь Константин Дмитриевич оставался верен юному великому князю: в 1429 г. он вместе с Андреем Дмитриевичем по приказу Василия II совершили поход к Нижнему Новгороду, страдавшему от татар (ПСРЛ. Т. 25. С. 248).

⁷⁸ О том, когда точно в Москву приехал князь Ярослав Владимирович судить трудно, поскольку сообщение о приезде Ярослава очень скупо: «Того же лета князь Костянтинъ прииде изъ Новагорода на Москву, а князь Ярославъ прииха изъ Литвы» (ПСРЛ. Т. 18. С. 166; Т. 25. С. 245). Может быть, князь Ярослав Владимирович приехал в Москву раньше Константина Дмитриевича, и, таким образом, духовная грамота была составлена уже в начале марта 1421 г.? На этот вопрос придётся ответить отрицательно, поскольку в это время в Москве отсутствовал митрополит Фотий, без которого оформление духовной грамоты было невозможно.

⁷⁹ СГГД. Ч. 1. С. 82. № 41.

⁸⁰ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 90, примеч. 92.

сторонняя темновосковая печать Василия Дмитриевича сохранилась на духовной грамоте 1417 г. вместе с четырьмя печатями⁸¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в грамоте указано шесть поручителей: князь литовский Витовт, князя Андрей Дмитриевич, Пётр Дмитриевич, Константин Дмитриевич, Семён Владимирович и Ярослав Владимирович. Таким образом, учитывая Василия Дмитриевича, к грамоте должно было быть привешено семь печатей. В виду того, что к грамоте привешено пять печатей, резонным будет вопрос: было ли их столько изначально, или две печати – Витовта и Ярослава – были утеряны? Точно идентифицируются четыре черновосковские печати (Василия I⁸², Андрея, Петра и Константина Дмитриевичей). Б. М. Клосс утверждает, что одна из плохо сохранившихся желтовосковых печатей принадлежит Витовту, однако оснований для такой идентификации нет. Оставшаяся овальная печать (судя по прорисовке в СГГД) однозначных сведений для атрибуции не даёт, однако можно быть уверенным, что она не принадлежит великому литовскому князю Витовту, поскольку печати этого князя имели округлую форму и по размерам превосходили эту печать. По форме и размерам она схожа с печатями овальной формы Андрея и Петра Дмитриевичей, поэтому можно предполагать, что она скорее принадлежала князю московского княжеского дома, но кому именно – Семёну или Ярославу Владимировичам – сказать затруднительно. Может быть, ни одному из этих князей? Любопытно в этой связи отметить, что печатью схожей формы пользовалась великая княгиня Софья Витовтовна⁸³ – не печать ли это великой княгини?

* * *

Есть ещё один представитель московского княжеского дома, который мог быть поручителем, но не указан ни в одной из духовных грамот Василия I – князь Иван Владимирович (вместе с отцом Владимиром Анд-

⁸¹ *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 150.

⁸² Н. А. Соболева одностороннюю темновосковую печать на втором духовном завещании Василия Дмитриевича атрибутирует Василию (*Соболева Н. А.* С. 150) и отмечает, что печать, сохранившаяся на «третьей» духовной грамоте, подобная этой (Там же). Н. А. Соболева, однако, говорит о том, что эти две печати идентичны печатям великого князя литовского Витовта. Это наблюдение сделал ещё А. Б. Лакиер. Он писал: «Та же идея (всадника с мечом. – С. Б.), не оставлявшая московских великих князей, не могла не выразиться на их (литовских князей. – С. Б.) печатях и монетах, а простое сравнение печатей великого князя Василия Дмитриевича с печатью Витовта заставляет подозревать заимствование (если не идеи, то изображения), что становится совершенно ясным, если вспомнить, что великий князь Василий Дмитриевич был женат на дочери его, Софии Витовтовне» (*Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 117). Так или иначе, но всадник с копьем присутствует на печати Василия Дмитриевича, приложенной к договорной грамоте с князем Владимиром Андреевичем (*Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 149). Правда, употребление изображения «всадник с конём» было неустойчивым: к первой духовной грамоте Василия Дмитриевича приложена двусторонняя печать с изображением Василия Кесарийского (*Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 117; *Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 149).

⁸³ *Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 150; описание и прорисовка: СГГД. I. С. 194.

реевичем в 1410–1402 г. он целовал крест Василию I и его детям⁸⁴). А. Е. Пресняков тонко подметил, что старший из сыновей серпуховского князя Владимира Андреевича не упоминается среди поручителей в обеих грамотах Василия I⁸⁵. Он полагал, что этот факт свидетельствует против датировки «второй» грамоты 1418-м г., поскольку «смерть кн. Ивана отнесена в некоторых родословных к 1422 году (7 октября)»⁸⁶. Действительно, если Иван Владимирович умер 7 октября 1422 г., оба духовных завещания нельзя датировать ранним сроком. В противном случае придется признать, что Василий I сознательно не указывал в завещании старшего из серпуховских князей, хотя для этого причин не видно.

Но при этом А. Е. Пресняков считал, что опираться на хронологические данные родословных «рискованно» (учёный в данном случае основывался на наблюдениях А. В. Экземплярского⁸⁷, который в свою очередь использовал сведения Н. П. Петрова⁸⁸ и И. П. Сахарова⁸⁹). В самом деле, проверить данные, сообщаемые И. П. Сахаровым, трудно, тем более что летописные свидетельства об Иване Владимировиче, как справедливо заметил А. В. Экземплярский, очень скудны. Но сделать это всё-таки можно. Если Н. П. Петров свои источники информации не открыл, то И. П. Сахаров при изложении текстов родословия московских князей основывался на «трёх редакциях» «списков родословных книг»⁹⁰. Из этих редакций исследователь извлёк информацию о боровских и серпуховских князьях и для большинства из них указал точную дату смерти. Так, и об Иване Владимировиче сказано, что он родился в 1381 г., скончался 7 октября 1422 г. и был захоронен в Архангельском соборе в Москве. В этом же соборе прежде были погребены в том числе его прадед Иван Калита, дед Андрей Иванович и отец Владимир Андреевич, а позднее были захоронены братья – Ярослав Владимирович с сыном Василием, Василий Владимирович и Андрей Владимирович⁹¹.

Откуда И. П. Сахаровым были взяты даты смерти? Очевидно, они происходят из надписей на надгробных плитах (надпись на надгробии князя Ивана Владимировича гласит: «В лето 6931 октября в 7 преставис благо-

⁸⁴ ДДГ. № 16. С. 45. Отсутствие имени Ивана в первой духовном завещании Василия I объясняется тем, что поручителем в ней назван сам Владимир Андреевич (по этой же причине не названы Ярослав и Семен Владимировичи).

⁸⁵ Пресняков А. Е. указ. соч. С. 351, прим. 1.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 305.

⁸⁸ Петров Н. П. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 126, 128

⁸⁹ Сахаров И. П. Московские удельные князья // Сын отечества. 1842. Кн. 12. I. С. 19.

⁹⁰ Эти родословные содержат детали, неизвестные другим источникам. Так, в «первой» редакции указано, что князь Константин Дмитриевич был назван в иночестве Кассианом и был погребён в Симоновом монастыре, и что у него был сын Семён (во второй и третьей редакциях, напротив, указано, что Константин был бездетен) (Сахаров И. П. Указ. соч. С. 10, 12).

⁹¹ В духовной грамоте супруги князя Владимира Андреевича княгини Елены Ольгердовны (1433 г.) указано, что в Архангельском соборе покоятся её муж и дети (ДДГ. С. 72). В момент составления духовной были живы снохи Василиса (жена Семена) и Ульяна (жена Василия), внук Василий Ярославич и внучка Мария (дочь Ивана).

верный князь Иван Владимирович Донского»⁹²) – в летописях точные даты зачастую отсутствуют, указывается лишь месяц или время года. При этом имеющиеся летописные даты далеко не всегда совпадают с надписями на надгробных плитах. Так, надписи на надгробиях полностью совпадают с указанными в МС датами кончины Семёна Гордого, Андрея Ивановича, Ивана Ивановича, Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича⁹³, при этом на надгробии Дмитрия Ивановича указано, что он «Донской» (это прозвище, конечно, не прижизненное). В отношении даты кончины других сыновей Дмитрия Донского в летописях зачастую указан только год (Пётр Дмитриевич – 6936, Андрей Дмитриевич – 6940, июнь; на надгробной плите – 10 июля). Судя по надписи на плите, князь Юрий Дмитриевич скончался 19 августа 6942 г., однако, как можно понять из сообщений Московского летописного свода конца XV века, он умер весной 6942 г.: в среду на страстной неделе 6942 г. (24 марта) им была осаждена Москва и через неделю – в среду на светлой неделе – захвачена⁹⁴. После этого великий князь Василий II бежал в Нижний Новгород, а князь Юрий Дмитриевич снарядил в поход на него своих сыновей, которые дошли только до Владимира и здесь узнали о кончине отца.

Указания годов кончин большинства серпуховских князей на плитах совпадают с указанными в летописях, но летописям при этом не известны точные даты. Так, князь Владимир Андреевич (на плите он именован «Донской») скончался в 6918 г. (на плите указано 12 августа), Ярослав Владимирович – осенью 6934 г.⁹⁵ (на плите – 16 августа⁹⁶), Василий Владимирович – в 6935 г. (на плите – 5 ноября). Дата смерти Ивана Владимировича летописям неизвестна. Все сыновья князя Владимира Андреевича в надписях на плитах названы потомками «Донского» (например: «В лето 6934 августа 16 преставис благоверный князь Афанасей Ярослав Владимира Донского»), но по той причине, что сам Владимир Андреевич ошибочно назван «Донским».

Указанные нюансы могут привести к мысли о большой степени зависимости надписей на надгробных плитах от нарративных источников (из них черпались даты, прозвища и другие сведения⁹⁷), но каких? Не может быть принято указанное на надгробиях серпуховских князей прозвище «донские» – так могли именоваться только потомки Дмитрия Донского, но при этом и знаменитое прозвище великого князя Дмитрия Ивановича в ле-

⁹² Панова Т. Д. Некрополи московского кремля: 2-е изд. М., 2003. С. 23. Если это мартовский год, то Иван скончался 7 октября 1423 г., если сентябрьский, то в 1422 г.

⁹³ Там же. С. 20–21, 23; ПСРЛ. Т. 25. С. 179, 180, 215, 246.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 251.

⁹⁵ Там же. С. 247.

⁹⁶ Панова Т. Д. Указ. соч. С. 23.

⁹⁷ В качестве таковых можно расценивать, например, летописные данные о смерти Дмитрия Юрьевича «Красного»: в МС сообщается, что он был погребён в гробе отца (ПСРЛ. Т. 25. С. 262), об этом же сообщает и надпись: «В том же гробе положен другой сын князь Юрьев князь велики Дмитрии Красной преставис в лето 6949 сентября 24» (Панова Т. Д. Указ. соч. С. 24). По летописи Дмитрий Красный скончался 22 сентября, но погребен он был спустя 23 дня после смерти

тописях не отыскивается. Показательно, что на надгробной плите сына Василия I Ивана сказано, что он «большей брат Василия Василевича Темного»⁹⁸ – но такая надпись не могла появиться раньше ослепления Василия II; кроме того прозвище Василия II «Темный» летописям XV в. также неизвестно. Но зато оно обнаруживается в главе «Удѣлнїе князи Московскїе» (а также в главе «Начало и корень великихъ князей Рускихъ въкратцѣ») ⁹⁹, среди прочих помещённой в рукописи перед Воскресенской летописью; здесь же указано и прозвище Дмитрия Ивановича – «Донской»¹⁰⁰. Содержится в этой главе и родословие детей и некоторых потомков князя Владимира Андреевича (в котором, кстати, сказано, что он «былъ на Дону съ великимъ княземъ Дмитриемъ» – не отсюда ли прозвище «Донской»?); Из содержания следует, что князь Иван был бездетен, князь Андрей был захоронен в Архангельском соборе, а его дочь была замужем за князем Василием Косым, князь Андрей «меньший» погребён в Троицком монастыре (отсюда прозвище «Радонежский»), у князя Василия Ярославича был сын Иван, ушедший в Литву, а у него в свою очередь сын Фёдор¹⁰¹. Данные сведения обнаруживаются в работе И. П. Сахарова, и отсюда становится понятным, какого рода «родословия» он использовал.

Судить о времени смерти Ивана Владимировича, таким образом, точно невозможно: сведения о дате смерти Ивана Владимировича были заимствованы И. П. Сахаровым, очевидно, из надписей на надгробных плитах; в свою очередь они не находят подтверждения в других источниках, поэтому не могут быть приняты. То, что сообщается о датах смерти других серпуховских владимировичей, довольно противоречиво. Нельзя исключать, что сохранившиеся над надгробиями в Архангельском соборе плиты могли быть поновлены во время реконструкции храма в 1505–1507 гг.: в 1505 г. храм разобрали, княжеские гробы, и, видимо, надгробия, были вынесены, а в новый храм их поместили подновленными 3 октября 1507 г. При этом следует иметь в виду, что в «третьем» духовном завещании Василия I князь Иван Владимирович уже не упомянут, следовательно, в марте 1423 г. его не было в живых.

* * *

Подводя итог, можно ответить на поставленный вопрос: «кто и на каких основаниях включался в состав поручителей в великокняжеском завещании?» Василий I предпринял успешную, хотя и не «бескровную», попытку изменения принципа наследования великого стола: с этих пор его получал сын великого князя, а не его здравствующие братья. Великий князь Василий I при этом резонно опасался противодействия со стороны тех московских князей, кто на законных основаниях мог претендовать на великий стол, в первую очередь – князя Юрия Дмитриевича. В целях уре-

⁹⁸ Панова Т. Д. Указ. соч. С. 23.

⁹⁹ В этих главах можно увидеть все знаменитые прозвища – «Мономах», «Долгорукий», «Невский», «Калита» (ПСРЛ. Т. 7. С. 238–239).

¹⁰⁰ ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 238.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 7. С. 238.

гулирования будущего статуса своего наследника Василий I вслед за отцом великим князем Дмитрием Ивановичем пошёл на ещё один принципиальный шаг: он связал своих ближайших родственников – возможных претендентов на великий стол – обязательствами, в соответствии с которыми они должны были «блюсти» великое княжение «под» сыном Василия I, таким образом заранее признавая его «старшим братом» (об этом писал ещё С. М. Соловьёв). Эти обязательства излагались в договоре, заключение которого сопровождалось целованием креста Василию I и его наследнику. В соответствии с этим договором «младшие» князья включались в состав поручителей в великокняжеском тестamente и впоследствии должны были следить за его исполнением.

Между московскими князьями и прежде заключались докончания, но рассматриваемые договоры были новшеством. Их заключение не являлось простой и формальной процедурой, оно было сопряжено с возникновением конфликтных ситуаций. Об этом красноречиво свидетельствует конфликт Василия I с князем Константином Дмитриевичем, ставший своеобразным преддверием «феодальной войны». Не случайно такое докончание не было заключено между Василием I и Юрием Дмитриевичем. Очевидно, князья Юрий и Константин были сторонниками «старого» порядка, основанием для которого служили духовные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича, принципы которых нарушались Василием I. Не исключено, что Константин Дмитриевич выступал в союзе с Юрием из сугубо прагматических соображений – думается, не случайно его владения пополнялись из фонда земель галичского князя. Впрочем, Константин Дмитриевич, вступивший в конфликт с Василием I и лишённый за это своих вотчинных владений, вынужден был вскоре отказаться от своих политических взглядов и в феврале 1425 г. выступал уже на стороне своего «старшего брата» – племянника Василия II.

Список литературы:

1. Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
2. Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4.
3. Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот XIV – XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6.
4. Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991.
5. Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5.
7. Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского.
8. Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3(13).

9. Кучкин В. А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.
10. Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855.
11. Панова Т. Д. Некрополи московского кремля: 2-е изд. М., 2003.
12. Петров Н. П. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1.
13. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
14. Сахаров И. П. Московские удельные князья // Сын отечества. 1842. Кн. 12. I.
15. Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991.
16. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1.
17. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889. Т. 2.

ON THE FORMATION OF THE COMPOSITION OF BAILS MAN IN THE TESTAMENT OF GRAND DUKE VASILY I

S. V. Bogdanov

The Tver State University, the Chair of Russian History

On the basis of analyzing the list of guarantors in the last will and testament of Grand Duke Vasily Dmitrievich shows the composition of the guarantors, which is set by the author, was formed in accordance with the existing agreements (*dokonchaniyami*) when «junior princes» of Moscow's princely house waives great reign in favor son of Grand Duke Vasily Dmitrievich. Established that the procedure for creating a spiritual wills Grand Duke accompanied by conflicts, since not all the rulers of the princely house of Moscow refused to Crown law.

Keywords: *Vasily I, the Grand Duke, testament (dukhovnaya gramota), dokonchanie, bailsman, Duke Konstantin Dmitrievich, Duke Yaroslav Vladimirovich, Duke Vladimir Andreyevich, Duke Ivan Vladimirovich.*

Об авторе:

БОГДАНОВ Сергей Владимирович – Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, кандидат исторических наук, доцент, e-mail: serg_bogdanov@mail.ru

About the authors:

BOGDANOV Sergei Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Chair of Russian history, the Tver State University (the Trekhsvyatsky str., 16/31, Tver, 170100,), e-mail: serg_bogdanov@mail.ru

References

Cherepnin L. V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vv. M.; L., 1948. Ch. 1.

- Ekzempl'yarskii A. V. Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoi Rusi v tatarskii period. SPb., 1889. T. 2.
- Gorskii A. A. Sud'by Nizhegorodskogo i Suzdal'skogo knyazhestv v kontse XIV – seredine XV v. // Srednevekovaya Rus'. M., 2004. Vyp. 4.
- Grekov I. B. K voprosu o datirovke tak nazyvaemoi «vtoroi dukhovnoi gramoty» moskovskogo knyazya Vasiliya I // Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii i slavyanskikh stran. M., 1963.
- Ivanov D. I. Moskovsko-litovskie otnosheniya v 20-e gody XV stoletiya // Srednevekovaya Rus'. M., 1999. Vyp. 2.
- Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. SPb., 1819. T. 5.
- Kloss B. M. Izbrannye trudy. M., 1998. T. 1: Zhitie Sergiya Radonezhskogo.
- Kuchkin V. A. Antiklossitsizm // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. 2003. № 3(13).
- Kuchkin V. A. Dogovor velikogo knyazya Vasiliya Dmitrievicha s bratom zvenigorodsko-galichskim knyazem Yuriem Dmitrievichem // Srednevekovaya Rus'. M., 2006. Vyp. 6.
- Lakier A. B. Russkaya geraldika. SPb., 1855.
- Panova T. D. Nekropoli moskovskogo kremlya: 2-e izd. M., 2003.
- Petrov N. P. Istoriya rodov russkogo dvoryanstva. SPb., 1886. T. 1.
- Presnyakov A. E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva. Petrograd, 1918.
- Sakharov I. P. Moskovskie udel'nye knyaz'ya // Syn otechestva. 1842. Kn. 12. I.
- Soboleva N. A. Russkie pechati. M., 1991.
- Zimin A. A. O khronologii dukhovnykh i dogovornykh gramot XIV – XV vv. // Problemy istochnikovedeniya. M., 1958. Vyp. 6.
- Zimin A. A. Vityaz' na rasput'e. M., 1991.

Статья поступила в редакцию 14.05.2013